

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-090-100

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Казанцев Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель
Алтайский государственный университет
Российская Федерация, 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61
E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Качусов Дмитрий Анатольевич, аспирант
Алтайский государственный университет
Российская Федерация, 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61
E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

В настоящий момент для российского общества остаётся актуальным вопрос соотношения общероссийской и региональной идентичности, их проявления в сознании россиян. Специфика исторического развития, особенности государственной политики в России и глобальный кризис идентичности оказывают весомое влияние на процесс самоидентификации граждан, нередко в ущерб региональному уровню. Тем не менее, региональная идентичность остаётся весомым компонентом социально-культурного портрета российских регионов, как национальных, так и административно-территориальных. Проявление признаков наличия региональной идентичности, хотя бы частичной или как одной из целого ряда идентичностей, можно наблюдать уже у учащихся старших классов школы. С целью выявить маркеры, демонстрирующие данное явление, было проведено массовое анкетирование учащихся средних школ Сибирского федерального округа. Результаты данного исследования позволяют говорить о разных типах и характере проявления общероссийской, региональной, локальной идентичности у школьников из разных видов субъектов Российской Федерации, о наличии у них местной специфики в вопросе социально-политической самоидентификации.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, самоидентификация, молодёжь, школьники, кризис идентичности, россияне, сибиряки, регион, малая родина, патриотизм, самобытность

REGIONAL IDENTITY IN THE STUDENTS' CONSCIOUSNESS IN SIBERIAN FEDERAL DISTRICT²

Kazantsev Dmitry A., Lecturer
Altai State University
61 Lenina Ave., Altai krai, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Kachusov Dmitry A., postgraduate
Altai State University
61 Lenina Ave., Altai krai, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

At the moment, the question of correlation between national and regional identification and their impact on the Russians' consciousness stays acute. The peculiarities of historical development, the aspects of the government policy in Russia and global crisis of identity do influence the process of self-identification among the Russian citizens, sometimes at the expense of the regional level. Nonetheless, regional identity is still an important piece of social-cultural puzzle of the Russian regions, both national and administrative-territorial. The

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346а «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

² The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 20-011-00346 A supported by the RFFI "The factor of patriotic education in the construction of the Civil Identity of senior schoolchildren of the Siberian Federal District Regions in the context of the Information Society".

indications of regional identity, at least partial, or as one of the few identities, can be found among senior students. To find the markers demonstrating that, the mass polling of the students was performed in schools of the Siberian Federal district. The results of this research allows us to detect different types and nature of national, regional, local identity among students from different subjects of the Russian Federation, as well as to define the local specifics in question of social-political self-identification.

Keywords: Identity, regional identity, self-identification, the youth, students, crisis of identity, the Russians, the Siberians, region, birthplace, patriotism, distinctness

Российское общество многоэтночно и поликультурно, а огромная площадь страны и наличие исторических, этнокультурных и природных особенностей в регионах закладывают потенциал для формирования местных сообществ с развитой региональной и локальной спецификой. В то же время вектор государственной политики обращён в «центростремительную» сторону и направлен на поддержание «властной вертикали», идеологического и управленческого единства страны, что проявляется в тенденции к унификации политико-административного устройства субъектов и ограничивает пространство для выражения ими своей самобытности.

В целом, вопросы идентификации и самоидентификации, особенно их трансформации в условиях постмодерна и информационного общества, являются одним активно изучаемых в общественных науках. Одно из классических определений идентичности даёт С. Хантингтон, определяя её как результат осознания индивидом или группой факта обладания определёнными (культурными, политическими, территориальными и иными) качествами, отличающими их от других. Люди могут сами определять и конструировать свои идентичности, которых может быть несколько с разным уровнем значимости, но только в результате взаимодействия с другими индивидами относительно и различными социальными группами [20, с. 21–23].

В данный момент мы можем наблюдать глобальный кризис идентичности, как индивидуальной, так и групповой, хотя в каждой стране он проявляется по-своему и вызывает различные социально-политические последствия [3, с. 276]. Это является результатом перехода к постмодерну, для которого характерны понимание мира как неупорядоченного, множественного и плюралистического объекта, отрицание однонаправленности и детерминированности общественного развития, что приводит к обесцениванию уже сложившихся в обществе оснований для самоидентификации.

Э. Гидденс указывал, что в традиционном обществе самоидентичность индивида была данностью, однако общество Модернити представляет множество возможностей для присвоения, отторжения и обновления уже созданных и доступных стилей жизни, из которых индивид может самостоятельно выбирать своё Я. Идентичность человека становится результатом непрерывного выбора образа, что делает её непостоянной, «ломкой». В современном мире личность находится в постоянном затруднении, сталкиваясь с новыми, порой противоречивыми и неоднозначными факторами, такими как необходимость постоянного выбора, отсутствие конечных авторитетов, давление со стороны стандартных имиджевых «образцов» и т. д. [15, с. 80–82]. Затрудняется и конструирование идентичности в условиях модерна со стороны субъектов политики: «В обществе, которое сделало социальные, культурные и сексуальные идентичности неопределёнными и переходными, любая попытка сделать посредством политики идентичности более устойчивым то, что стало “жидким”, с неизбежностью приведёт критическую мысль в тупик» [19, с. 12].

Накладывают отпечаток на вопросы идентичности и самоидентификации процессы глобализации и информатизации общества, которые повышают интенсивность информационного обмена между людьми, стирают национальные границы, стимулируют индивидуализацию и атомизацию общества, создают новые социальные роли и позиции. Люди участвуют во всё большем количестве социальных, экономических, политических и иных процессов, вовлекаются в новые общности, что приводит к актуализации и обострению новых проблем на уровне отдельных индивидов, больших социальных групп и всего общества в целом [11, с. 29–30]. В результате размываются традиционные основы национальной идентичности, что приводит переоценке ценностей и к изменениям прежней, уже сложившейся системы самоидентификации, к замене её на универсальную или негативную идентификацию [8, с. 52].

Если говорить о феномене региональной идентичности в России, возможности его отследить и зафиксировать, то можно выделить две точки зрения. Первая указывает на кризис идентичности в России и даже подвергает сомнению или отрицает существование региональной идентичности, говоря об искусственности и конъюнктурности данного феномена. Констатируется отсутствие собственного символического смысла у российских регионов, особенно национальных, отсутствие импульса саморазвития, неразвитость у россиян «архетипа дома» и понятия «малая родина» [6, с. 14]. Позиция об отсутствии в России региональной идентичности была выгодна для центральной власти и имела практические социально-политические последствия, в частности, позволяла радикально менять сложившееся территориальное устройство страны, проводить политику постройки «вертикали власти», при необходимости назначая высшее региональное руководство, ориентирующееся прежде всего на Москву, даже вопреки позиции региональных элит и населения.

Естественно, существует и обратная точка зрения, указывающая на большую значимость именно локальных, региональных особенностей в нормальном функционировании общества в целом, их роль в жизни отдельных частей страны. Учёт местными властями и осознание жителями локальной специфики территорий стимулирует местный патриотизм, повышает активность местной жизни, способствуя формированию «критической массы» социального капитала на местах [6, с. 10]. Некоторые исследователи даже говорят об «излишне высокой» привязанности граждан России к малой родине, например результаты социологических исследований показывали нежелание жителей депрессивных городов переселяться в более благополучные регионы [6, с. 72]. Эта привязанность может определяться как негативное явление: традиционализм, замкнутость в местном «мире», ограниченность кругозора, препятствием для пространственной мобильности и «рациональной» организации экономического пространства.

По мнению М. Кастельса и Э. Киселевой, в России под влиянием процессов глобализации и информатизации уже полным ходом идёт развитие «сетевое общество», которое характеризуется наличием отдельных ареалов, по которым происходит раскол и маргинализация прежде целого геокультурного пространства. Вне локализованного пространства общество ещё может прибывать в прежнем состоянии, однако подавляющая часть экономических политических и социальных институтов, сильнее связанных с глобальной сферой, уже перейдёт в «сетевое» состояние, как было в России конца 1990-х гг. [5, с. 34–36]. Переход к новому обществу «освобождает» Россию от довлеющего над ней фактора пространства, того, что всегда было акцентом русской общественной сферы, в том числе и политике, и геополитике, и что формировало региональную идентичность [5, с. 40].

М. П. Крылов определяет региональную идентичность как системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина», которая отражает в сознании людей специфику местных общностей и слагающих их групп [6, с. 13]. Её содержание и структура сводится, в основном, к двум составляющим: «местному патриотизму» и «пространственной самоидентификации». Исследователь отмечает, что в России местная идентичность является глубинным, внутренним феноменом, чертой не образа жизни, а ментальности, мировосприятия и мировоззрения, потому что включает в себя набор образов, символов, мифов, отражённых в истории, природе и умонастроении жителей [6, с. 18–20]. Несмотря на то, что весь XX в. происходило сглаживание различий внутри русского этноса, размывание границ между его субэтнотами, говорить о полном стирании культурных границ внутри страны нельзя. В настоящее время наблюдается процесс медленного восстановления различий между субэтническими группами, возрождение культурно-географической основы региональной идентичности [6].

Р. Ф. Туровский связывает формирование региональной идентичности с оформлением группового самосознания территориальных сообществ, указывая, что главным вопросом остается территориальная «привязка» данных образований: к субэтническим (лингвистическим) группам, к крупным географическим ареалам или «обыденным районам», или к административным единицам. Каждый из способов идентификация актуален для разных социальных общностей, например поморов, казаков, сибиряков, уральцев и т. д. Однако границы между различными русскими ареалами сильно размыты, различия между ними незначительны, практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен «исторических провинций» с их развитой внутренней идентичностью [14, с. 94–95]. Российская

идентичность развивалась в ущерб региональной, и чаще всего региональная идентичность привязывается к административным единицам, несмотря на определённую искусственность этого фактора. Идентификация себя с жителями политико-административной единицы становится естественным заменителем консолидации на основе культурной специфики субэтносов или макрорегионов [14, с. 95–96].

Г. Л. Тульчинский считает, что в эпоху глобализации идентичность (национальная, региональная и т. д.) уже не тождественна «самобытности». Основная единица современного общества – личность как постоянно корректируемый проект, и хотя это не приводит полному отказу от устойчивых ролевых идентификаций, они становятся инструментами, используемыми индивидом при формировании себя как «бренда». Самоидентификация происходит в рамках развития коммуникационного поля, в котором специфика индивида или группы выражается путём формирования многочисленных связей, образов, и может быть как результатом собственных усилий, так и ответом на коммуникационное воздействие других субъектов [13, с. 89]. Таким образом, приобретение социального статуса и роли становятся не конечной целью идентификации, а средством личности для реализации своего потенциала.

Исследователи Р. Брубейкер и Ф. Купер понимают идентичность как специфический коллективный феномен, обозначающий тождество или солидарность членов определённой группы, – понимание ими самими их «самости». Она призвана указывать на глубокое, основополагающее условие социального бытия, базис социального или политического действия и в сознании, и в коллективном поведении. Рассматриваемая как продукт социального или политического действия, идентичность определяет процессивное, интерактивное развитие коллективного самосознания, или «групповости», поэтому исследователи предлагают динамичные термины для её анализа: самопонимание, социальная локализация, связанность, общность и т. д. [16, с. 17]. Собственно, она понимается не как статичный факт, а как процесс и, изучая идентичности, в т. ч. локальную, необходимо изучать несколько аспектов – представления об этих идентичностях, «разговор об идентичностях» и политику идентичности [16, с. 43–44].

Б. С. Ерасов в целом отождествляет понятие «идентичность» и «самобытность», отмечая, что с 1970-х гг. социокультурные факторы при изучении данного феномена в современном мире, особенно в западных странах, выдвинулись на первый план. Он указывал, что «самобытность» – более адекватный термин для изучения проблем самоопределения граждан и отождествления себя с определённой группой, средой, местностью, к тому же связанный с понятиями «традиция» «специфика», «культурное наследие». Однако следует сохранить и термин «идентичность» как более узкую категорию, обозначающую внутреннюю определённость и самосознание личности или общности [2, с. 281–282].

Л. М. Дробужева под идентификацией понимает интерактивные процессы, наполненные разнообразными смыслами и значениями, как объективного, так и эмоционального свойства, через которые осуществляется самопонимание и возникает коллективная солидарность. Она происходит в процессе взаимодействия, коммуникаций, конфликтов между сообществами различного уровня и проявляется в виде сопоставлений различного характера («мы – такие», «они – не мы» и т. д.) [1, с. 38]. Степень и форма связанности внутри разных сообществ может сильно различаться от жёсткой, сильно ощущаемой групповости до слабо выраженных форм присоединения. Выделение государственно-гражданских идентичностей, в т. ч. этнических и региональных возможно через анализ степени общности внутри изучаемых групп и направленности применяемых для их выделения соотношений [1, с. 37].

Е. В. Еремина говорит о психосоциальной природе региональной идентичности, определяя её как объективное состояние, отражающее самоотождествление индивида с неким сообществом, его понимание себя как части целостности, гармоничное включение отдельной личности в локальный социум. Это сложное структурное образование, имеющее собственное содержание и характеристики, например устойчивость к внешним воздействиям. Необходимо также отметить, что исследователь отдельно выделяет понятие «региональная идентификация», которое отражает динамический процесс формирования и функционирования региональной идентичности, его психологические и социальные особенности [3, с. 277–278].

Позиция британского географа Т. Кресссуэлла также ближе всего к психосоциальной: в качестве эквивалента региональной идентичности он рассматривает понятие «чувство

места» (sense of place), причём «место» понимается не как физическая точка, а как социальный конструкт [17, с. 72]. Данный феномен проявляется в двух вариантах. Первый вариант соотносим с понятием «укоренённости» и выражает определённое постоянство в динамичном мире, возможность человеку в этой среде на какое-то время «остановиться». Второй – это «реактивное чувство места», представляющий реакцию индивида на окружающий его мир, то есть его способность соотносить себя с локальными сообществами и группами, и именно с ним Т. Крессуэлл связывает понятие «региональная идентичность» [17, с. 75–76].

Российский исследователь Ю. А. Жердева также говорит о «чувстве места», которое определяется убеждённостью людей в том, что у места проживания есть своя локальная ценность. Малая родина вызывает у жителей сходные переживания, что выражается в использовании таких эмоционально окрашенных понятий, как «дух места» или «гений места». Нередко это используется в коммерческих, корыстных целях, однако позиционируемая подобным образом «атмосфера» места может выступать такой же характеристикой, как и его объективное (вещное) описание. Значение «чувства места» в социальной жизни в том, что оно возникает посредством создания взаимосвязей, как реальных, так и символических, и является коммуникативным действием, основанным на реакции со стороны индивида на определённые факторы местной жизни [4, с. 10].

Л. В. Смирнягин соотносит понятие «идентичность» с восприятием человеком социальной действительности, что становится базой для его самосознания и заставляет его ассоциировать себя с некоей социальной группой на основании общности интересов и признаков. Региональная (территориальная) идентичность взаимосвязана с иными идентичностями, например она находится в обратной зависимости с классовой, её можно сменить, что роднит её с профессиональной [12, с. 34]. Региональная идентичность не всегда связана с нахождением индивида на территории и не всегда означает внутреннюю солидарность её обладателей. Тем не менее, именно она выполняет важные социальные функции: объединяет людей с различными социальными характеристиками, ослабляет барьеры между сообществами. Кроме того, автор не противопоставляет региональную и национальную идентичность, так как они дополняют друг друга, более того, первая может служить к усилению второй [12, с. 35–37].

И. Ю. Окунев, исследуя вопросы региональной идентичности, указывает, что роль в её формировании географических переменных (пространства) является не детерминирующей, но только обуславливающей, определяющей вероятность развития определённого сценария. Само по себе пространство не способно создавать идентичности, между ними всегда должно находиться дополнительно звено – его интерпретация, которое находит своё выражение в пространственных мифах, образах и т. д. [9, с. 72]. Автор указывает, что различные подходы к интерпретации пространства позволяют в рамках одного пространства формировать разные, в том числе и разнонаправленные, идентичности. Именно интерпретацию автор обозначает как ключевой компонент, который может быть использован в практических целях, например при брендинге территорий [10, с. 24].

Как мы видим, подходы к определению региональной идентичности и выявлению её наиболее базовых оснований довольно разнообразны. Исследователи отталкиваются от различных её характеристик, рассматривая данное явление как динамический процесс формирования коммуникационных связей в рамках определённой территории; как аналог «самобытности» – наличия уникальных социально-культурных особенностей различных социальных групп; как социально-психологический феномен общности с локальными сообществами; как сознательно конструируемую индивидами характеристику социальной реальности, направленную на реализацию собственного потенциала. Также нельзя не отметить две критически важные особенности, свойственные региональной идентичности. Во-первых, большая часть исследователей указывает, что она не исключает наличие у индивида других идентичностей, и он может совмещать их в себе несколько. Во-вторых, региональная идентичность не является врождённой и неизменной, она приобретается сознательно и может быть изменена в течение жизни.

Значимость тематики исследования в настоящий момент остаётся всё также высокой, особенно на фоне перманентного кризиса самоидентификации в России, как региональной, так и общероссийской. Причиной данного явления, кроме уже указанных процессов глобализации, цифровизации и складывания общества постмодерна, является и специфика развития

российского общества – идеологический вакуум и мировоззренческий раскол после событий 1990-х гг. При обращении к региональной практике нельзя не заметить разницу в развитии региональных политических систем когда, по сути, в рамках одной страны можно наблюдать различные их модели. Также некоторые исследователи обращают внимание на своеобразное размежевание в национальных республиках, когда представители титульных национальностей идентифицируют себя прежде всего как граждан конкретной республики, а русская часть населения – граждан страны, что в политической сфере отражается разными моделями электро-рального поведения и типами гражданских культур [7, с. 145].

Основная гипотеза исследования заключается в том, что региональная идентичность наблюдается в сознании школьников Сибирского федерального округа, где одновременно присутствуют и иные типы идентичности, которые будут более распространены, но не являются взаимоисключающими. Она оказывает значительное влияние на ценностные, культурные и идеологические установки учащихся, однако не является однозначно доминирующим фактором, жёстко детерминирующим их социально-политические характеристики. Поиск и выделение признаков идентичности и будут произведены в нижеизложенном анализе результатов массового анкетирования школьников путём выделения в анкетах респондентов «ответов-маркеров», связанных с тематикой самоидентификации индивидов.

В исследовании представлена попытка определить преобладающий тип идентичности в разных регионах Сибирского федерального округа. Также необходимо выявить наличие связи между преобладанием определённой самоидентификации и их иными социально-политическими характеристиками (уровень дохода, ценностная ориентация, идеологические предпочтения). Требуется подтверждения предположение о разнице в представленных типах идентификации в национальных регионах и административно-территориальных единицах РФ. Кроме того, остаётся открытым вопрос о наличии идентификационного раскола в социуме национальных республик, основанного на разнице в политическом сознании национального и русского этнических компонентов в составе населения.

В целях решения поставленных исследовательских задач был проведён опрос учащихся 8–11 классов средних общеобразовательных учреждений методом квотного, гнездового анкетирования. Программы SPSS и “Statistica” использованы для обработки материалов опроса, затем проанализированы таблицы сопряжённости с выводом коэффициентов связи и соответствия для многомерных откликов. Выборочная совокупность объединяет 2 012 респондентов, из них мужчин – 53 % (1 074 ч.), женщин – 46 % (938 ч.) в возрасте от 13 до 18 лет. Большая часть опрошенных школьников обучается в 9 классе (30,5 %), ещё по 25 и 27 % – в 10 и 11 классах соответственно, наконец, 16,9 % представлено 8 классом. Опрос состоялся в 10 субъектах Сибирского федерального округа Российской Федерации (далее СФО): национально-территориальных (15,5 %), например Республике Алтай – 4,9 % (100 ч.), Республике Тыва – 5,2 % (106 ч.), Республике Хакасия – 5,2 % (106 ч.), и государственно-территориальных (84,4 %), включая Новосибирскую область – 10,2 % (207 ч.), Иркутскую область – 11,5 % (232 ч.), Кемеровскую область – 12,3 % (248 ч.), Красноярский край – 12,4 % (251 ч.), Томскую область – 12,5 % (253 ч.), Омскую область – 12,6 % (255 ч.), Алтайский край – 12,6 % (254 ч.). Операционализация гипотезы о локальной идентичности учащихся 8–11 классов Сибирского федерального округа осуществлялась посредством вопроса «Кем вы себя в большей степени ощущаете?», он стал зависимой переменной исследования. Предполагался выбор респондентом до трёх вариантов из следующего списка ответов: «россиянином», «сибиряком / жителем Дальнего Востока», «гражданином мира», «жителем своего региона», «жителем своего города (района)», «представителем своего этноса...», «представителем своей конфессии...», «другое».

По результатам опроса выяснилось, что 24,6 % (973 ч.) школьников ощущают себя россиянами (далее, «россияне»), 18,1 % (719 ч.) идентифицируют с регионом проживания, то есть с «сибиряком» (далее, «сибиряки»), 17,2 % (681 ч.) учащихся чувствуют принадлежность к жителям своего города или района (далее, «жители своего города (района)»), 14,4 % (570 ч.) – гражданам мира (далее «граждане мира»), 11,1 % (441 ч.) – жителям своего региона, 10,2 % (404 ч.) – представителям своего этноса, ещё 5,8 % (112 ч.) – представителям своей конфессии и 2,8 % (55 ч.) указали другой вариант (см. рис.).

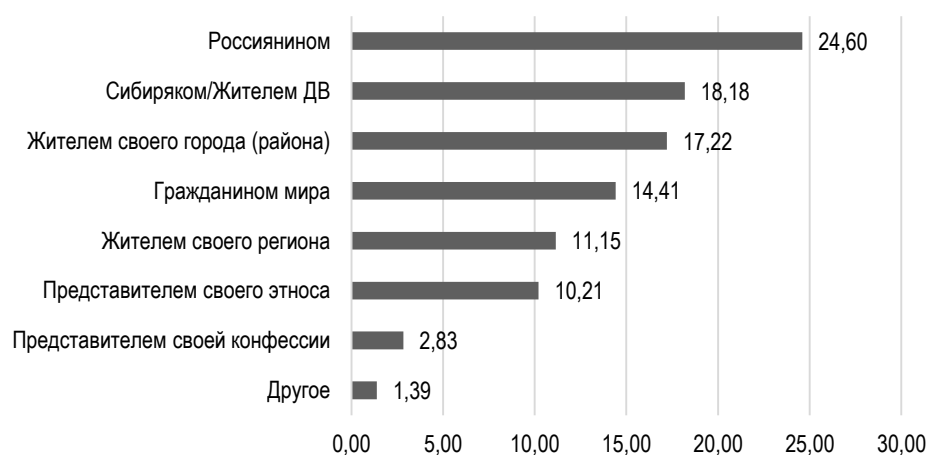

Рис. Идентичность учащихся Сибирского федерального округа, %

Проверка нулевой гипотезы показывает отсутствие статистически значимой связи между зависимой переменной, с одной стороны, и возрастом, полом, доходом респондентов – с другой ($p > 0,05$; 0,0963; 0,063; 0,8237). В то же время на природу идентификации школьников влияет тип субъекта Российской Федерации ($p < 0,05$; 0,0000): в национально-территориальных субъектах Российской Федерации в отличие от административно-территориальных респонденты чаще ощущают себя россиянами и при этом жителями своего региона и представителями своего этноса, но реже гражданами мира, сибиряками или представителями своей конфессии. Не трудно заметить, что учащиеся, проживающие в государственно-территориальных образованиях России, обладают менее выраженной локальной идентичностью, чем учащиеся из национально-территориальных субъектов страны. Первые чаще чувствуют себя россиянами, несколько реже сибиряками, жителями своего города (района), гражданами мира и в последнюю очередь – жителями своего региона. Вторые также идентифицируют себя с россиянами, после этого с жителями города (района), жителями региона и, наконец, с представителями своего этноса. Выявленные отличия, по всей видимости, объясняются особенностями этнонационального состава и условий жизни населения регионов Сибирского федерального округа.

Определить доход на одного человека в семье затруднились 33 % (666 ч.) респондентов, 19,6 % (396 ч.) оценивают его в пределах 25–40 тысяч рублей, по 17,5 % (353 ч.) и 17,1 % (344 ч.) имеют доход свыше 40 тысяч рублей и 15–25 тысяч рублей соответственно, немногим более 12 % указывают свой доход ниже 15 тысяч рублей. В то же время среди тех, кто полностью или скорее удовлетворён жизнью чаще встречаются учащиеся, идентифицирующие себя россиянами, затем сибиряками, жителями своего города (района). Те же кто не удовлетворён или скорее не удовлетворён жизнью, как правило, являются «гражданами мира» или жителями того или иного региона ($p < 0,05$; 0,0439).

В структуре источников получения информации школьников 8–11 класса независимо от их идентификации лидируют социальные медиа – 84,3 % (1617 ч.), затем Интернет-ресурсы – 73,9 % (1417 ч.), мнения друзей и знакомых как источник информации используют 66,3 % (1271 ч.), родственников – 59,2 % (1135 ч.), центральное телевидение – 46,4 % (889 ч.). Центральное и местное телевидение и газеты, радио чаще используются респондентами-россиянами (по 60 % и более). Партийная и научная литература выбирается «гражданами мира» (51,7 %, 44,2 %) и россиянами (46,4 %, 43,5 %) ($p < 0,05$; 0,0005).

Любопытными для анализа представляются вопросы, посвящённые политическим ценностям и политической идеологии учащихся федерального округа. Так, свобода очень важна и скорее важна для 72,9 % (1 398 ч.) и 17,6 % (339 ч.) респондентов. Носители российской идентичности лидируют в оценке свободы – 36,2 %, далее сибиряки – 28,2 %, жители своего города (района) – 25,2 %, «граждане мира» – 23,1 %. Традиции важно и скорее важно сохранять для 18,3 % (351 ч.) и 26,2 % (503 ч.) опрошенных, большинство же заняло умеренную

позицию – в чём-то важно, в чём-то нет, их 35,1 % (673 ч.). Для тех, кому очень важно сохранять традиции, преобладают россияне (55,5 %), сибиряки (36,1 %), жители города (района) (34,7 %). Справедливость очень важна для 70,1 % (1 344 ч.) и скорее важна для 20,6 % (395 ч.). Распределение по типам идентичности следующее: россияне, сибиряки и жители города (района). Ценность «порядок» очень важна для 50,6 % (970 ч.) и 32,7 % (628 ч.). Распределение то же, что и выше. Права человека очень важны для 70,6 % (1 354 ч.), скорее важны для 18,7 % (359 ч.). Реформы оцениваются школьниками более сдержанно: скорее важно – 33 % (634 ч.), в чём-то важно, в чём-то не важно – 33 % (634 ч.), очень важно – 16 % (308 ч.). Для тех, кому очень важны реформы, преобладают россияне – 50,3 %, «граждане мира» – 39,2 %, сибиряки – 37 %. Абсолютно неважны и скорее неважны реформы для россиян, жителей своего города (района), сибиряков. Интересны этнической группы как ценность скорее важны для 29,8 % (572 ч.) опрошенных, в чём-то важно, в чём-то не важно – 29,2 % (561 ч.) очень важно – 14,1 % (271 ч.). Лидеры в этой категории россияне – 50 %, затем сибиряки – 40 %, жители города (района) замыкают с 35 %. Интересы государства считают в чём-то важным, в чём-то нет большинство – 35,2 % (675 ч.), скорее важно – 24,8 % (476 ч.). Лидеры те же: россияне, сибиряки, жители города (района). Среди тех, кто считает интересы государства очень важными, преобладают россияне – 56,8 %, сибиряки – 42,2 %, граждане мира – 30,6 %. Интересы граждан умеренно оценивают – 29,6 % (568 ч.), скорее важно – 26,6 % (511 ч.), очень важно – 16,8 % (322 ч.). Среди тех, кому очень важны интересы граждан, – россияне, сибиряки и «граждане мира».

На вопрос о том, какие политические взгляды наиболее близки учащимся, затруднились ответить 29,4 % (564 ч.) молодых людей, смешанные в качестве ответа выбрали 21,6 % (415 ч.) опрошенных, не имеют политических взглядов – 19,4 % (372 ч.), социально-демократические – 9,9 % (191 ч.), либеральные – 9,6 % (184 ч.). Среди тех, кто затруднился ответить, выбрал смешанные взгляды, или тех, кто взглядов не имеет, доминируют россияне, жители города (района), сибиряки. Среди националистов в равной доле распространены россияне, жители региона, жители города (района); социально-демократические: россияне – 45 %, сибиряки – 39,2 %, «граждане мира» – 35,6 %; коммунисты: россияне – 53,6 %, сибиряки – 40,2 %, жители города (района) – 27,8 %, в консерваторах лидируют россияне – 53,8 % и сибиряки – 38,4 %.

Так или иначе, событиями в России интересуется 70 % респондентов: 64 % интересуются событиями в своём регионе, 66 % – в месте своего проживания (город / район), 56 % респондентов интересуются событиями в мире в целом. «Граждане мира» чаще интересуются политическими событиями в мире в целом и в других странах, россияне – в равной доле, жители с локальным компонентом (сибиряки или жители региона) – в меньшей степени. Россияне и другие в равной степени интересуются политическими событиями в России. Региональными событиями интересуются учащиеся всех типов идентичности, но граждане мира – в меньшей степени. Местным событиями – все в равной доле, «граждане мира» – в меньшей. Наблюдается размежевание между всеми и гражданами мира ($p < 0,05$; 0,0000). Кроме того, для 53,5 % (1 026 ч.), 48,3 % (927 ч.) и 44,1 % (845 ч.) наиболее интересна информация о таких политических событиях, как взаимоотношения с другими странами, политическая ситуация в России и реформы и новые законы соответственно, наименее – политическая ситуация в других странах – 29,8 % (572), выборы – 34,2 % (656) ($p < 0,05$; 0,0000). Подавляющее большинство респондентов отслеживают политическую повестку дня, и только лишь для 11,1 % (213 ч.) учащихся политические события не представляют никакого интереса. При этом россияне чаще интересуются политическими событиями, затрагивающими взаимоотношения с другими странами (55,7 %), происходящие в России и регионе (52,7 и 47,0 %), реформы и новые законы (45,8 %), военные действия (39,8 %). Сибиряков – реформы и новые законы несколько чаще, чем политические события, происходящие в регионе (49,5 против 47,7 %). Носители космополитической идентичности в большей степени интересуются политическими событиями, связанными с другими странами (60,5 %), затем политической ситуацией в России (55,4 %), реформами и новыми законами (51 %) и новостями региона (39,1 %). Граждане, ощущающие себя жителями своего города (района), помимо интереса к международным событиям (50,6 %), также любопытствуют региональными новостями (48,9 %). Для представителей этносов характерно интересоваться

не только вышеуказанными событиями, но и в большей степени реформами и законами (49,7 %). Представители конфессий в равной доле интересуются взаимоотношениями с другими странами, политической ситуацией в России и военными действиями (по 52,6 %), в меньшей степени – реформами и новыми законами (41 %) и выборами (33 %).

Учащиеся по-разному оценивают существующую российскую политическую реальность. 22,9 % (441 ч.) из них оценивают её как полностью или в основном соответствующую их ожиданиям, 48,8 % (937 ч.) оценивают её как полностью или в основном не соответствующую своим ожиданиям, остальные 28 % (538 ч.) затруднились дать ответ на этот вопрос. Россияне чаще ощущают соответствие современной российской политической реальности их ожиданиям, чем иные категории респондентов (29 %), за ними – жители своего региона (26 %) и сибиряки (25 %). «Граждане мира», наоборот, чаще испытывают фрустрацию от российской политической действительности (37,9 %), затем сибиряки (35,5 %), россияне (33,8 %) и жители своего города (района) (28,5 %) ($p < 0,05; 0,0000$). При оценке положения России в современном мире мнения учащихся разделились практически поровну: с одной стороны, 36,4 % (699 ч.) респондентов посчитали, что Россия перестала быть великой мировой державой, с другой стороны, 33,3 % (639 ч.) – Россия была и остаётся великой мировой державой, оставшиеся 22,4 % (431 ч.) затруднились с ответом. При этом космополиты, представители этносов и сибиряки чаще разделяют первое мнение, а россияне и представители конфессий – второе ($p < 0,05; 0,0000$).

Почти треть школьников предпочитают жить в России и не желают уезжать из России – 28,1 % (539 ч.), 20,3 % (390 ч.) хотят покинуть Россию временно и собираются это сделать, ещё 19,7 % (379 ч.) респондентов желают покинуть Россию, но не имеют возможности сделать это, 20,1 % (386 ч.) затруднились дать ответ на вопрос. О своём желании покинуть Россию чаще заявляют представители космополитической идентичности, причём не только на временной (23 %), но и на постоянной основе (17 %), одновременно с этим 22 % из них хотят это сделать, но не имеют такой возможности. Носители российской идентичности, представители конфессий чаще предпочитают жить в России, чем иные категории респондентов, при этом они также преобладают в категории неопределившихся ($p < 0,05; 0,0000$). Если в России предпочитают жить чуть менее трети учащихся, то оставаться в своём регионе на постоянной основе хотят ещё меньше – всего лишь 18,7 %, или 360 человек. Оставшиеся категории опрошенных либо планируют покинуть регион навсегда (26,6 %), либо уедут временно (22,9 %), либо имеют такое желание, но не обладают такой возможностью (13,4 %). С ответом на вопрос затруднились 18,1 % обучающихся. Наиболее выраженным желанием оставить регион обладают «граждане мира», представители этносов и конфессий, сибиряки, жители своего города (района), наименее – россияне, сибиряки, жители своего региона ($p < 0,05; 0,0000$).

При ответе на вопрос «Назовите, что из перечисленного больше всего объединяет вас со всеми россиянами?», учащиеся в 45,7 % (868 ч.) случаев называли вариант «общее государство», в 38,5 % (731 ч.) ответах упомянули родной язык, ещё 35,2 % (668 ч.) школьников указали в качестве объединяющего их с россиянами фактора родную землю, природу, территорию, 29,1 % (552 ч.) – культуру, 26,7 % (507 ч.) – обычаи, праздники, 23,5 % (447 ч.) – историческое прошлое, 20,5 % (390 ч.) – общие символы, 19 % (361 ч.) – ответственность за судьбу страны, 18 % (343 ч.) – родственные и дружественные связи, 9,8 % (186 ч.) – черты характера, наконец 3,8 % (73 ч.) респондентов ответили, что их ничего не объединяет с другими россиянами ($p > 0,05; 0,7133$). Существенных статистических различий в группах при этом не выявлено.

В итоге мы можем констатировать ряд выводов, вытекающих из анализа эмпирического материала исследования. Во-первых, доминирующий вид идентификации в сознании школьников связан с отождествлением себя с «россиянами», что вполне вписывается в тезис о развитии общероссийского уровня идентичности в ущерб всем прочим. В его же пользу говорит и выбранный респондентами вариант «государство» как фактора, объединяющего всех россиян, а также то, что россиянам свойственны более высокий уровень положительной оценки современной российской действительности и восприятие России как «великой державы».

Во-вторых, число школьников, связывающих свою идентичность с субъектом Федерации, уступает числу тех, кто идентифицирует себя как жителя макрорегиона (в нашем случае Сибири) и даже конкретного района или города. Это указывает, что высказанное ранее предположение

о привязке идентичности к единицам административно-территориального деления страны уже не столь актуален.

В-третьих, прослеживается связь между уровнем идентификации школьников и тем, как они связывают своё будущее с территориальными границами собственной идентичности. Желание покинуть Россию или регион проживания демонстрируют прежде всего «граждане мира», а оставаться в нём планируют россияне, сибиряки, жители своего региона.

В-четвертых, предположенный идентификационный раскол в национальных республиках можно считать подтвердившимся, так как их жители идентифицируют себя прежде всего с россиянами, с жителями региона и лишь затем – с представителями своего этноса. Данный факт может быть объяснён тем, определяя себя как «россиян» проживающие в данных регионах русские, а представители титульной национальности связывают себя в первую очередь с регионом и этносом.

Список литературы

1. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / под ред. Л. М. Дробижевой. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
2. Ерасов, Б. С. Цивилизации универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – Москва : Наука, 2002. – 524 с.
3. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России / Е. В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. – С. 276–287.
4. Жердева, Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти / А. Ю. Жердева // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2. – С. 5–11.
5. Кагельс, М. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование / М. Кагельс, Э. Киселева // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – № 1. – С. 23–51.
6. Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 240 с.
7. Кулаков, С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России / С. В. Кулаков // Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2015. – № 1 (14). – С. 142–151.
8. Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 40–47.
9. Окунев, И. Ю. Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья) / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2014. – № 4. – С. 72–74.
10. Окунев, И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2018. – № 1. – С. 18–25.
11. Пантин, В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации / В. И. Пантин // Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 29–39.
12. Смирнягин, Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин, // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. – Москва : МГИМО – Университет, 2007. – Т. 2. – С. 81–107.
13. Тульчинский, Г. Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности / Г. Л. Тульчинский // Символическая политика / под ред. О. Ю. Малинова. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 80–97.
14. Туровский, Р. Ф. Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей? / под ред. А. Рябова, М. Макфола. – Москва : Гендальф, 1999. – С. 87–136.
15. Bauman, Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi / Z. Bauman. – Cambridge, 2004. – 104 p.
16. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker. – Hoboken : Wiley, 2003. – 296 p.
17. Cresswell, T. Place: A short introduction / T. Cresswell. – Oxford, 2009. – 153 p.
18. Giddens, A. Modernity and self-identity / A. Giddens. – Stanford, 1991. – 256 p.
19. Huntington, S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity / S. Huntington. – New Delhi, 2004. – 428 p.

References

1. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnya, zavtra* [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. House, 2013, 485 p.
2. Erasov, B. S. *Tsivilizatsii universalii i samobytnost* [Civilizations universals and identity]. Moscow, Nauka Publ. House, 2002, 524 p.
3. Eremina, E. V. Ponyatie regionalnoy identichnosti i spetsifika ee formirovaniya v sovremennoy Rossii [The concept of regional identity and the specifics of its formation in modern Russia]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2012, no 5, pp. 276–287.
4. Zherdeva, Yu. A. Chuvstvo mesta kak kategoriya sotsialnoy pamyati [Sense of place as a category of social memory]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2015, no 2, pp. 5–11.
5. Kastels, M., Kiseleva, Ye. Rossiya i setevoe obshchestvo. Analiticheskoe issledovanie [Russia and the network society. An analytical study]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2000, no 1, pp. 23–51.
6. Krylov, M. P. *Regionalnaya identichnost v Evropeyskoy Rossii* [Regional identity in European Russia]. Moscow, Novyy khronograf Publ. House, 2010, 240 p.
7. Kulakov, S. V. Problemy formirovaniya regionalnoy politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii [Problems of formation of regional political identity in modern Russia]. *Pro Nunc. Sovremennyye politicheskie protsessy* [Pro Nunc. Modern political processes], 2015, no 1 (14), pp. 142–151.
8. Lapkin, V. V. Modernizatsiya, globalizatsiya, identichnost. Obshchie problemy i rossiyskie osobennosti [Modernization, globalization, identity. General problems and Russian features]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 2008, no 3, pp. 40–47.
9. Okunev, I. Yu. Rol interpretatsii prostranstva v formirovanii identichnosti (na primere rossiysko-evropeyskogo pogranichya) [The role of space interpretation in the formation of identity (on the example of the Russian-European borderland)]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2014, no 4, pp. 72–74.
10. Okunev, I. Yu. Territorialnaya i prostranstvennaya identichnost: kontseptualizatsiya bazovykh ponyatiy [Territorial and spatial identity: conceptualization of basic concepts]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2018, no 1, pp. 18–25.
11. Pantin, V. I. Politicheskaya i tsivilizatsionnaya samoidentifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii [Political and civilizational self-identification of modern Russian society in conditions of globalization]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2008, no 3, pp. 29–39.
12. Smirnyagin, L. V. O regionalnoy identichnosti [On regional identity]. *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v 10 tomakh* [Space and time in world politics and international relations: in 10 vols.]. Ed. by A. Yu. Melville. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. House, 2007, vol. 2, pp. 81–107.
13. Tulchinskiy, G. L. Identichnost kak proekt: Usloviya politicheskogo pozitsionirovaniya lichnosti [Identity as a project: Conditions of political positioning of the individual]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Ed. by O. Yu. Malinova. Moscow, INION RAS Publ. House, 2017, is. 5, pp. 80–97.
14. Turovskiy, R. F. Regionalnaya identichnost v sovremennoy Rossii [Regional identity in modern Russia]. *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh tsennostey?* [Russian society: the formation of democratic values?]. Ed. by A. Ryabov, M. McFaul. Moscow, Gendalf Publ. House, 1999, pp. 87–136.
15. Bauman, Z. *Identity: Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge, 2004, 104 p.
16. Brubaker, R. *Ethnicity without groups*. Hoboken, Wiley Publ. House, 2003, 296 p.
17. Cresswell, T. *Place: A short introduction*. Oxford, 2009, 153 p.
18. Giddens, A. *Modernity and self-identity*. Stanford, 1991, 256 p.
19. Huntington S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New Delhi, 2004, 428 p.